ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 2 коп

МОЛОТ

Ежемесячное бесплатное приложение к „Коммунару".

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 8. | Июнь 1927 года | № 8.

На изготовку!

Друг мой! В степях
Белый Колчак
Пулей тебя
Приласкал у плеча.

Обитый к морям
Генерал отходил,
Сабельный шрам
На лицо подарил.

Новую весть
Выслушай стойко:
Белых месть —
Убит Войков.

Войны небывалой
Угроз все больше,
Тявкает шало
Английская Польша.

Друг мой! Винтовка
В руках горит.
Ты мне сноровку
Свою подари.

Дай мне твою
Боевую кипень,
Я затаю
Про черный день.

С Лондонской ниши
Тучи все ниже
Товарищ, винтовку —
На изготовку!

Ф. Гулявин.

Наши песни

Да,
Часто наши песни—плохи,
В них только радости вино.
И, может, песнями эпохи
Не им остаться суждено.

Не им, наверно, в новом веке
Сердца придется волновать,
Они о новом человеке
Не смогут многого сказать.

Мы лишь чутьем,
Да слухом ловим
Годов размах
И дней разбег,
Но все же в нашем слабом слове
Заметен новый человек.

Мы будем петь.
Не ныть. не охать.
Пусть льется радости вино.
Не только песни—
И эпоху
Самим нам строить суждено.

Орехов.

МОЛОТ

Словно огромный филин,
Молот кричал паровой.
Львом раз'яренным в пустыне
Бился в металл головой.

Молот и ухал и охал,
Стоном стонала земля.
Этот воинственный грохот —
Песня руды и огня.

Люди под грохот зловещий
Клали металл под удар.
Злыми собаками клещи
Грызли железный пожар

И напоенный пожаром —
Мялся железный кусок.
Плакался после удара
В челюстях мощных тисок.

Молот же выстрелы сеял,
Падал как с неба скала.
Кажется, грянь посильнее, —
Лопнет и сам пополам.

Здесь, как в осеннюю бурю,
Тьма и зарницы, и гром.
Я распрощался с лазурью,
С лесом и тихим селом.

Чувствую: сила металла
Передается и мне.
Скоро мне родиной стала
Жизнь с кузнецами в огне.

Ив. Елизаров.

К ЧИТАТЕЛЮ: Разрежь внизу, последний лист вложи в средину первого—по порядку №№ страниц.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

ЛЕСОКРАДЫ.

...Выходя из саней Прокофий поставил на порог ногу и начал наскоро заматывать оборку на онуче.

Из саней послышался голос Алены.

— Господи, мой батюшка. Обувается, обувается, а все как курица лохмоногая! !

— Будя брянчать-то,— бросил, не разгибаясь Прокофий,— подай-ка, вот пилу!

За дверью в углу тонко дзынкнула сталь.

— Смотрите, не попадитесь,— робко проговорила Алена.

Прокофий прижал под мышкой пилу, осторожно ступив с порога, посмотрел в густеющий синий туман. На лугах, в вечерней тиши, в буйных травах, надрывался дергач-коростель хриплой песней. И чем гуще ложилась на луга синяя муть, тем отчетливей казалась хрипота дергача.

Не шевелясь ни руками, ни ногами, Прокофий тихо повернул голову к сараю и громким шопотом произнес внушительно:

— Скоро ты, что-ль? ,Алешк!

Алешка аккуратно скрипнул воротами и высунулся боком из чуть отворенной воротины.

— Готов, папаш, идем!

Прокофий немножко помолчал, поскреб пальцем под черной бородой, потом тихонько щелкнул в дверь:

— Ален!

— Ну, что ты?

— Случаем, кто придет, ты не растеривайся, а прямо выходи и кричи, что корова нашлась.

— Матушки, я ее еще не доила,— спохватилась Алена.— Головушка, бедная.

— Ладно, подоишь. Ну-ка, попробуй, как ты будешь кричать-то?

Алена прокашлялась и начала в полголоса:

— А я так: выйду за угол и закричу:

— А-а! Пракохвя-яй! Идите домой, корова пришла-а!

— Вот! Ну, мы пошли.

— Ступайте.

По дороге Прокофий говорил сыну:

— Вот, Алешк, таскали, таскали, а еще нужно штук двадцать должиков...

И отец, и сын, по обычному, остановились на железнодорожном полотне и начали пристально всматриваться в поле и в лес.

— Папаш видишь?! — вздрогнув, шепнул Алешка, и мотнул головой по линии в поле.

Прокофий приставил ладонь ко лбу и посмотрев под зорю, сказал:

— Дикая рябина. Ты ее сруби завтра, чтобы она не пугала нас.

— Ну, прямо человек и человек издали,— шептал Алешка.

Дружеский шарж

М. Кольчугин

Тишина стояла необычайная. И чем больше вслушиваешься, тем тише и тише. Частые кряканья коростеля в отдаленных лугах нисколько не нарушали этой тишины. Наоборот,— непрестанная, точно зацепившая за тесные космы травы, хрипота, словно застывала и делала поле и лес еще напряженней, еще задумчивей.

— Идем,— сказал Прокофий, убедившись, что везде тихо, что нигде не шумаркнет.

Темная стена леса тут-же поглотила обоих и дыхнула на них накопленным за день теплом.

И Прокофий, и Алешка—шли тихо, отталкивая от лица ветки руками. Время от времени Прокофий останавливался, поднимал голову кверху и любовно хлопал по осиновым хлыстам рукой.

— Хороши,— шептал он, восхищаясь уходившими в звездное небо стройными деревьями.

— Не донесем, папань,— сомневался Алешка.

— Я себе пару таких срежу. Я донесу!

— Давай, хоть эти...

Выбрав дерево, опять оба, замирая, вслушивались в темные недра леса. Лес сладко спал, дыша чистой теплынью. Прокофий тихо спустился на землю. Шаркая руками, он обобрал сухой, прошлогодний лист у корня и, прижав к самой земле пилу, сказал:

— Режь!

Алешка устроился на колени, взял ручку, и пила тут-же зашипела, посыпая чернозем теплой горьковатой порошей.

Когда дерево валилось, пробуждая своим стоном тишину леса, Прокофий зажимал уши и, не пугаясь, шептал:

— Молчи, Алешк, молчи!

Вверху, на месте макушки осины, образовывалось заметное отверстие и через него обильно сочились звезды. Боковые сучья других деревьев, всколыхнутые неожиданным падением соседки, беспокойно качались, шурша листьями, словно чувствуя и свою недалекую гибель.

Прокофий нащупывал блины листьев и ловко прилаживал их на старое место, закрывая белый кружок пня.

Срезавши нужное количество деревьев, он прикрепил под ремнем пилу сбоку и взваливал на плечи нечищенные осиновые хлысты. То же делал и Алешка.

Уравновесив на плечах деревья,— отец и сын трогались в путь.

Алешка никогда не успевал за отцом. Осины у него на каждом шагу то задевали за стволы деревьев, то перевешивались и пахали землю. В это время Алешка выбивался из сил и, морщась от боли плеч, сердито ругал про себя и лес, и отца, и свою бедность.

— Что, ты, там опять запутался? — тихо окликал его отец.

— Нет, нет,— я сейчас выхожу.

Подходя к железной дороге, Прокофий останавливался и, вывертывая назад голову, предупреждал через сучья своей ноши.

— Ты тут корни выше поднимай. За насыпь, смотри не цепляй. Лучше пусть макушка волочится, отскочит какой лист — шут с ним, мать завтра погонит корову на росу,—поднимет.

Алена их встречала около железной дороги.

— Идете?

— Идем.

— Измучились вы. Труженики. Ну, дадно, я вам завтра по двухжелтковому яйцу сварю.

— Никто не был? — спрашивает Прокофий.

— Нет.

— Ну и хорошо. Возьми-ка у меня пилу, а то впилась в поясницу.

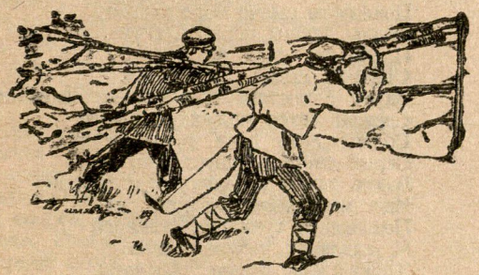
— Э-э, да как же это ты как?...

Около дома началась работа. Алешка быстро обрубал сучья забинтованным топором от обуха до половины лезвия, отчего топор не звенел; Прокофий с Аленой вырезали дель и гнали макушки на швырок; девки: Полька и Домашка, мельчили сучья и складывали в кучки.

— Ты, Ален, опять как вчера, истопи печку пораньше, пожги все до-свету и дело с концом. А должики-то, мы сейчас под солому.

— У-у, что, ты, завтра; я сейчас же затоплю. Я до свету-то, высплюсь.

Над хутором стояла теплая летняя ночь. Тысячи звезд смотрели с неба на суетившихся людей. Коростель одинаково драл свое горло. Вдруг он смолк. Прокофий насторожился:

Уравновесив на плечах деревья—отец и сын трогались в путь

— Говорят тебе, признавайся

— Ален, а ведь это кто нибудь идет!

Все сразу поднялись и застыли с обращенными на луга лицами. В темноте неясно вырисовывались две человеческие фигуры, за плечами которых покачивались ружейные стволы.

— Об'езчик со сторожем, — испуганно прошептала Алена.

— Куда-же деваться? — тихо шепнул жене Прокофий,— молчи.

Люди подвигались, вырастая с каждым шагом. От них тянуло каким-то страхом, а за ними, за ночью, мерещился знойный день с милиционером, увешанным ремнями, с шашкой и револьвером. И самое главное то, что будут писать протокол.

— Откуда? — стукнул об'ездчик прикладом по обчищенной, но еще не разрезанной осине.

— Во ржи срубил.

— Говорят тебе, признавайся!

И сразу у Прокофия пропала вся робость. Весь он вдруг ощетинился, раздался в ширь грудью и руками...

— Вы что тут распоряжаетесь! Ален, дай-ка топор! И более злобно зарычал:

— Ты знаешь откуда осины? Пропадали у тебя такие?!

— Ты еще говорить — наступил вперед об'ездчик,— ты говорить, ворище! — и он, оглянувшись вокруг, снял с плеч ружье.

— Идем к лесничему!

— Идем,— схватил Прокофий пилу и, выставив ее вперед зубьями, двинулся на об'ездчика. Алена и ребята, завопили, всполошились.

— Ой, да что вы, что вы!

Об'ездчик выстрелил вверх, а Прокофий, в свою очередь, со всей силой занозил ему в горло зубья пилы и в этот же момент запустил топор в сторожа, бесцельно щелкавшего курком по ржавому пистону и суетившегося со словами:

— Осечка, мать честная, осечка!

На следующий день Прокофий услужливо вынес стол на крыльцо, скамейку, и заискивающе говорил милиционеру:

— Ветрено тут, гражданин хороший, в избе бы вы написали свой протокол, там бы самоварчик заодно, яичек-бы.

Милиционер, не говоря ни слова, усердно писал, однобоко навалясь на стол, закусив в уголке рта костяной мундштук, с дымящейся папиросой.

М. Кольчугин.

За селом зарей красноволосой
Обагрился утренний восток.
На полях, по серебристым росам
Пестрой рябью сеется шматок.
Каждый день, как заалеет зорька,
С разноцветным полчищем овец,
Овцепас Васютка шел на горку,
Где цветет кудлатый солонец.
Полюбил таскать чабан мальчишка,
Грубой кожи, бурые штаны.
Проползло уже два года слишком,
Как пошел Васютка в чабаны...

I.

Утром солнце в розовом тумане
Гонит росу дымкою с травы.
Разостлав серебряные ткани,
Степь лежит под сводом синевы.
Даль родная!
Ты ли Запорожьем
Прослыла под вражьим тесаком,
Ты ль степного зверя Бульбы рожу
Обвевала мягким ветерком...
Да....
Но ветер переполнен новью.
В злое время ляховских усов
Орошено поле было кровью,
А теперь предутренней росой.
Как туман от солнышка растает
Над долинами родной земли,
Лишь дикие гуси пролетают,
Да шуршат спокойно ковыли.
Заблестит на солнце ярко-желтый
Над Тубалом золоченный крест.
И пойдет чабан-степной оболтус
Ждать с заката огненный разрез.
По ночам в степи гулял Васютка
И прислушивался в черной мгле
К грубым вздохам и к рычаньям жутким,
Долетавшим с моря по земле.
Ночь таила черную загадку
Под полою темного плаща,
А о зарей, в предутреннем припадке,
Пестрый чибис в воздухе пищал.

II.

От весенних, солнечных прогулок
Пролетело много, много дней,
И ни разу тучка не всплакнула
Над долиной высохших полей.
Редко, редко набежит и схлынет
Ветерка живительная длань.
Под травой, в желтеющей долине,
Черной змейкой трещина легла.
Дни скорбели желтою отравой,
Что бурьян колючками поник.
Солнце в стружки скручивало траву
И мертвило высохший тростник.
На багровой, выжженной равнине
Кроме Васьки нет живых людей,
И как будто никогда не схлынет
Обжигающий, зловещий день.
Что в душе лежит тяжелым грузом...
Знал ли Васька, что вблизи села,
На баштанах сохнет кукуруза
И пшеница летом не цвела.
Неужели сердце не заноет,
Коль слезами вымыт этот холм...
Видел Васька, как пахал весною
Бородатый, сгорбленный хохол.
О, зачем судьбы жестокий коготь
Заставляет плакать по ночам...
Знает Васька, — мутная тревога —
Дочь степного солнца-палача.

III.

Дни бегут в мучительном угаре
И бледнеют где-то позади.
Скоро ль небо ливнями ударит,
Листопад над степью загудит.
Прогудит по высохшей равнине,
Пропоет не мертвым ковылям
И не детской Васькиной кручине,
А хохлатским белым деревням.
Пропоет над белою станицей
Не о том, как свеж осенний день,
А о том, что выжжена пшеница
И засох невызревший ячмень.
Осень, осень! Что ты будешь красить
На полях в багрово-желтый цвет?
В злое лето солнечные страсти
Без тебя исполнили обет.

IV.

Почему-то нынче море гневно,
Волны, волны пенятся, бегут.
И уныло глядя на посевы,
Овцепас сидит на берегу.
Вдруг с востока судорожным шквалом
Свежий ветер колыхнул пырей,
Солнце лить лучи скупее стало,
Серый смерч поднялся на горе.
Вихрь завыл и закружился птицей
Над макушками зеленых ив.
Показались тучи над станицей
И заплакал пеною залив.
Заслонилось солнце облаками,
Крест закутался в сырую тень,
И белесый придорожный камень
Утонул в холодной темноте.

Надвигались серые громады,
Наполняя воздух влажной мглой,
И Васютка с погулявшим стадом,
Не спеша, направился домой.
Вдруг, разрезав молнией пучину,
Гром рванул туманный небосклон.
Хлынул дождь струями на равнину —
Мелодичный бубенцовый звон.
Небо рвется огненным зигзагом,
Дождь стучится на ухо в колпак,
А Васек неторопливым шагом,
За ряжком уходит на маяк.
Думал Васька, под маяком сидя:
«Тут души не видно ни одной».
Накопал ряжков...
И вдруг увидел
На дороге черное пятно.
«Чоловик ли пиший отдыхае,
Чи курай остався на бугре,
Чи вивца валяется плохая» —
Думал Васька, — «Треба посмотреть». —
Докурил, забросил папиросу
И замедлил осторожный шаг...
Здесь лежала девочка подросток,
Тяжело, порывисто дыша.
— «Що за притча» — опускаясь рядом,
Процедил Васютка про себя.
И добавил, посмотрев на стадо:
— «Кто саму оставыв тут тебя».

V.

Спят поля, вздыхая маяками,
Небо дышет звездной глубиной
И ласкает лунными лучами
Запорожья дремлющий покой.
Нет в степи полуночных хозяев.
Ночь тиха, светла и хороша.
Чьи же стоны робко выползают
Из под низких сводов шалаша.
Сердце жалость мучит не на шутку.
Бред в горячке... Девочка больна.
По ночам во всю храпел Васютка,
А теперь Васютке не до сна.
Под большой, пигейской овчиной,
На увядшей скошенной траве,
Много дум о брошенной девчине
Ночевало в детской голове.
А теперь, о горе овцепаса,
Кто б из нас спокойно рассказал...
В шалаше — холодная гримаса
И...
большие... мертвые глаза...
. . . . . .
Утром снова тарахтели тронки,
О веселой жизни говоря,
А Васек от шалаша, в сторонке,
Солонец лопатой ковырял.
Много слов накапало из сердца
На увядший ковыля лоскут.
В этот день открылась настеж дверца
В мир тревог и в детскую тоску...

VI.

Днем дожди, а черной ночью жутко,
Нынче ночь чернее всех ночей,
И стоит у шалаша Васютка,
Окруженный стадом пигачей.
О, скорей, скорее рассвело бы...
Ночь. Помилуй. Приоткинь чадру.
Черный страх. Прилив бессильной злобы,
Кто зачем ползет к нему и, вдруг, —
Топот ног испуганной скотины,
Кто-то встал с травы. А ночь слепа.
Черный гость взмахнул большой дубиной,
Грудь сдавило и... чабан упал.
. . . . . .
Васька слышал, как погнали стадо
К берегам Азовских синих вод,
А потом холодным, мертвым взглядом
Устремился в темный небосвод.

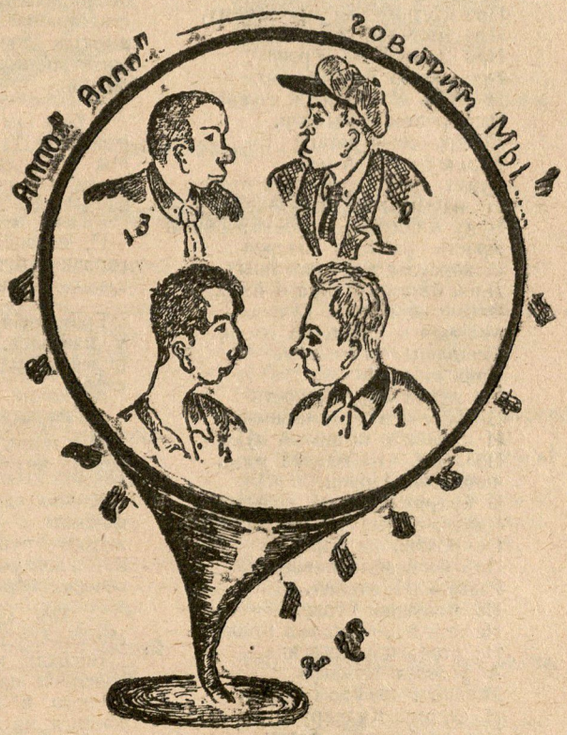
VII.

Прозвучал и укатился шибко
Желтой осени багровый взмах.
Утром солнце жмурилось улыбкой,
А по дням скрывалось в облаках.
И задумчиво вздыхали степи,
Под сияньем огненных светил,
Счастье выжжено и черный пепел
Желтогривый ветер распылил.
Но весной полей сожженой груди,
Солнце снова принесет привет,
Для равнины радостное будет,
А для Васьки будущего нет.

Михаил Зайцев.

Дружеский шарж

11 июня в радио концерте выступал тульский литературный молодняк с читкой своих стихов

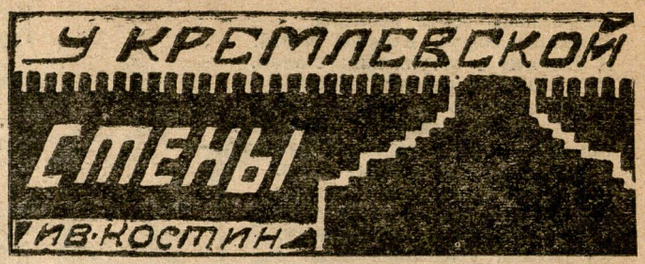

1) Михаил Зайцев, 2) Виктор Сухотин, 3) Федор Гулявин и 4) Александр Лесной

Кудеяров колодезь

Есть колодезь в чаще леса,
Бьет студеный пенный ключ.
Под лиственым, под навесом,
Бьет целителен и жгуч.
И когда, лаская землю,
Томным полымем об'емля,
Полыхает марта яр,
Говорит с ним Кудеяр.
Уж лихого атамана
Дохоснулся тлен и прах,
Берестяным талисманом
Он грозит векам на страх.
И бывалою рукою
Хочет рвать по корень дуб,
Но бежит усмешкой злою,
Дряхлость с посиневших губ.
Тихо плещутся березы,
Глухо пел на дне родник.
С синих век роняя слезы,
Кудеяр в раздумье ник.
Думал он:
Вот бились песни
Водопадом в борт лесов.
Утащил лихой кудесник
Эти песни у веков.
И неведомой тропою,
Уволок в трясину лет.
Я возьму у лиха с бою
Этих песен амулет.
Я отдам деревьям дрему,
Я полям верну свирель,
Про Кузьму, да про Ерему,
Про метелиц карусель,
Про лешачьего верзилу,
Про седую распрю гор.
И опять с былинной силой
Развернется Святогор.
Соберу свою ватагу
Кудеяров кистенек.
Будет вновь в баклаге брага
И на пальце перстенек.
Буду в посвист в мах разбойный
Красть дебелых дочерей
И кораллы дней запойных, —
Дней безумных и разбойных, —
Втисну в кольца кучерей.
Мы опять хмельные гости,
Молодец!
Коня ко мне!
Но лежат коневы кости
В груде ценистых камней.
И приник к незримой луке,
Позабыл, что выцвел взор.
Фиолетовые руки,
В кудрях проседь и раззор.
Вдруг, услышал по надлесом,
Не рожок, не барабан.
Под березовым навесом
Развалился атаман.
Не охотники бояры,
Не стрельцов удалых взвод,
Не стрельцов Кудеяра,
А развеял Кудеяра
Мощным погудом завод.
И седому Кудеяру
Нет ни близких, родни.
Только мартовские чары,
Выкурлыкивал родник.

Ф. Гулявин.

Линиями трамвайных рельс исчерчена Москва. И древняя Китайгородская стена видит, как мимо нее ошалело проносятся трамваи и автобусы.

В трамвайном «дзене» тонет московский день...

Сотни экскурсантов ежедневно наполняют Москву. — Из Сибири, из Донбасса, и с горячих песков Бухары...

Запыленные, не по-московски, медленные, они приподымают рукой фуражку и вежливо спрашивают у москвичей:

— Как пройти на Красную площадь? В мавзолей Ленина?..

...Там, на Красной площади, около выветренной, исцарапанной столетиями Кремлевской стены, высится последний штаб великого командарма Великой революции...

Я был там вечером, — с двумя рабочими Тульского завода № 1. Мы тоже спрашивали дорогу и плутали в гулких и кривых улицах.

И, наконец, — через площадь горящие буквы плеснули в глаза: — «Ленин».

Громадная цепь людей змеилась у мавзолея. Но никто не обернулся на нас, только тихо упали слова:

— Становиться по двое в ряд!

По платку площади шаркал ветер; медленно двигалась цепь.

Кто-то, должно быть, рабфаковец, — сказал, махнув зажатой в руке фуражкой в сторону, где, под ветром весеннего вечера, серел холм:

— Там казнили Разина. Вот Москва-то: Разин — и Ленин...

Впереди меня гнулся в замусоленном пиджаке грузчик. Была у него в глазах мутная усталость и на дне их скорбь.

— Жаль Ленина, — откликнулся он.

На Спасской башне часы пробили 7...

...Вот и вход, скупо расцвеченный черными и красными лентами.

— Тише, товарищи!

Ступени вели куда-то вниз, изгибаясь на поворотах.

В небольшой зале, что в центре мавзолея, под стеклянной призмой лежит Ленин. Льется сверху матовый свет. Не двинется с мест, замерев, караул.

— Ленин...

— Как живой!..

Грузчик вцепился руками в перила, нагнулся, смотрит.

— Т-ш-ш... Проходите...

И вот, опять ступени вверх. Площадь. Ветер. Издалека — трамвайный дзень.

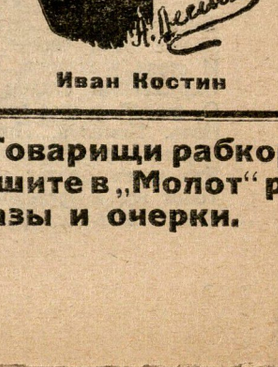
Поток льется медленно, безостановочно...

Выходили. Оборачивались. Стояли, смотрели на мавзолей. Какая-то крестьянка истово кланялась сверкающим буквам: — «Ленин».

...Есть песня, которую не нужно украшать бубенцами рифм!

Ив. Костин.

Дружеский шарж

Иван Костин

Товарищи рабкоры, пишите в „Молот" рассказы и очерки.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТАЛАНТ

Молодой поэт Иван Завитушкин, закончив свою очередную поэму «Играй, металл», сидел за столом и думал, выкуривая папиросу.

— Да... Что завтра скажет критика?.. Безусловно, начнут крыть, придираться, как и всегда, к каждому слову... А что они понимают в поэзии? Не больше, чем ослы в апельсинах.

На другой день он отправился на собрание писателей с предвосхищенной мыслью, положив бережно рукопись в боковой карман пальто.

На улице у него играл молодой задор и чувство собственного достоинства: — поэт.

Идя по улице, ему казалось, что все знают то, что он писатель...

В комнате, в которой собирались писатели, уже все были в сборе. Молодежь шумела, а «старички» читали ей мораль.

Здесь были поэты: Заицкий, Лесновский, Крайская, Скачков и вежливый Сухнов. Прозаики: спокойный Стариков, вспыльчивый Кольчугинский, раздражительный Демиркин, молчаливый Кузиков и полный Медвединский.

— А, Завитушкин! Еще поэму принес?

— Принес. Прочту, — важно ответил Завитушкин, вынимая из кармана сверток. Он неспеша развернул его, принял петушиную позу и ноющим голосом стал читать про то, как «металл шумел, металл играл». А наконец, неожиданно закончил так:

Бирюзовыми растворами,
Бирюзой окурена,
Оказала ноги голые
Бледноликая луна.

Окинул молчаливую аудиторию гордым взглядом. Развязно задымил папироску и попросил оценку, которую он, несомненно, примет к сведению.

Началась оценка. Первым выступил Демиркин.

— Товарищи, о поэме сказать нечего, — поэма пустая. Вы посмотрите: — «металл шумел, металл играл». Во-первых, металл шуметь не может, играть тем более... Убого... весьма убого..: Наши поэты за пять лет ничуть не выросли. Роста незаметно. Так писали в 19—20 году. Какой дурак теперь так пишет: «металл шумел»?.. Ну, как металл может шуметь?.. Докажите... Вот, дорогие товарищи, на что нужно обратить внимание нашему молодняку... Или вот еще: «Сказала ноги голые бледноликая луна». Сказать то сказала, но только уж не ноги голые...

Завитушкин не выдержал, выругался, и ушел с собрания...

Ф. Кузнецов.

Дружеский шарж

Федор Кузнецов

У городского сада

День горит дремотной ленью,
В синь плывет зеленый зной...
Стройной тенью,
Нежной тенью —
Ты опять передо мной.
То ли крылья вешней выюги,
Вольной воли грозовей...
Но взметнулись,
Как в испуге
Дуги бархатных бровей.
Знаю —
Радость не случайна...
Этот синий василек
Ты, быть может, и нечайно
Уронила на песок.
Но лучистая улыбка
Обвила малину губ.
За калиткой
Пела скрипка,
Звуки звали на бегу.
Как вчера и как всегда, ты,
Снова скрылась в сонный гуд.
Перепутывая даты
Я стою...
Я жду заката
Теплых радостных минут.
Знаю завтра, утром зыбким
В буйном гомоне труда, —
Эту первую улыбку
Я забуду навсегда.
А сегодня —
Пусть мне снится
Сонный полдень в синеве, —
Золотистые ресницы,
Пара бархатных бровей.

В. Сухотин.

КОЧКИ-ОДИНОЧКИ

Там над лугом, там над лугом,
Там над лугом заливным,
Дни неслись, как кони цугом —
Шли на смену дням иным.
На лугу я помню кочки,
А на кочках сивый мох;
Эти кочки — одиночки
Покрывал чертополох.
Дальше густый рос репейник
И колючие репьи.
Ветер — ласковый затейник —
Путал в волосы мои.
А теперь, вот в это лето,
Тем же лугом я брожу,
Но что было, время смыло, —
Ничего не нахожу.
Нету кочек — одиночек,
Их посрезал острый плуг.
Вместо них вот клевер частый
Бьет меня по кистям рук.
Клевер частый,
Головастый,
А над ним гудят жуки.
И меня вот с этой горки
Кроют матом во все корки,
Обозлившись, мужики.
Вон мне машет Пронин Павел
Закорузлою рукой.
— Что ты клевер топчешь, дьявол,
Несознательный такой!
И бегут ко мне по скатам.
Я смеюсь, я хохочу.
— Полно, глотки драть, ребята!
Им я весело кричу.
— Чай, свои, авось, сочтемся!
Мужики на миг остыли.
Вдруг ко мне Пахомов Семка
Бросился: — Алеха, ты ли?!
Подошли. Смеемся вместе,
Вспоминаем те денечки,
Когда, вот, на этом месте
Были кочки — одиночки.

. . . . . .

Там над лугом, там над лугом,
Там над лугом заливным,
Были кочки — одиночки —
Стали полем клеверным.

Алексей Медведев.

Солнечная радость

Солнце
Прыгнуло в окошце,
Золотой, мой милый друг.
По страницам
Легкой птицей,
Свет так ярок и упруг.
Голубое
Небо роет,
В нем купается лучом
Утопает,
Вновь сверкает
И целует горячо.
Ему рад я:
Мы с ним братья,
Закадычные друзья.
И сейчас вот,
Как и часто,
Я от солнца словно пьян.
Я с весною
Молодою
С сердцем радостным в груди.
Выбегаю,
Всех толкаю,
Без разбора, впереди.
Без разбора,
Шагом скорым...
Эй, не мешкай тут, — сшибу!..
Хмельно весел
Я от песен
И по лужам бух, да бух...
Пешеходам
Нет погоды,
Строго смотрят — нет огня.
Знать не знают,
Что весна, ведь,
Молодая — у меня.
Без предела
Духом, телом
Смеха, солнца я хочу.
И прохожим,
Хмуророжим,
Прямо в лица хохочу.

Измаил Голубев.

Не грусти

Ночь висит над серым садом,
За рекою тишь давно...
Что ты смотришь грустным
взглядом
В распахнутое окно?
Расскажи свои печали,
Крышку сердца приоткрой:
Не за тем же мы встречались,
Чтоб таиться меж собой!
Словно ястреб мимолетный —
Расклюю я грусть твою,
И веселый, беззаботный,
Мыслей ковш в тебя волью!
Нет печали безысходной!
Не всегда в лесу гроза!
И тебе-ль, тебе-ль, свободной,
Опечаливать глаза?!
Сядь же, здесь, со мною рядом
(Я поэт; ведь, не злодей!),
И в окошко грустным взглядом,
Не тумань своих очей!

Сергей Борисов.

ДЕНЬ ЛИТЕЙЩИКА

(Очерк рабкора Вас. Князева)

Гудят заводские гудки, — сзывают рабочих на трудовой день. Улицы запружают толпы: кто в пальто и брюки на выпуск (это высокоразрядники), кто в спецодежде (это уж низкоразрядники).

Пришедшие ранее пьют чай, жуют белый хлеб, или черный с картошкой (и здесь отличишь низкоразрядника).

Вверху над головой, под самой крышей, задумчиво стоят два подъемных крана. Они ждут своих капитанов.

Прогудел последний гудок. Все зашевелилось. Минута-две и застучали молотки, залязгало железо; засуетились люди, уже переодетые в спецодежду.

С другого конца мастерской кричат: «Давай кран!» Большой кран с подъемной силой в 1800 пудов, распластавшись во всю ширину мастерской, вдруг рванулся и с шумом поплыл в другой конец мастерской, откуда несся крик.

Из рубки крана выглядывает крановщик-капитан этого воздушного корабля и правит им точно кораблем.

Рабочий день начался: стук, шум, гудение моторов. Все слилось в один мощный призывной шум, с которым рабочий свыкся.

Продолжаем путь по цехам. Вот обрубной цех. У большой отливки рабочий 30-фунтовой кувалдой отбивает литник. Трудно отбивать такие литники.

Тут же с шумом вертятся точильные станки. Люди здесь работают в предохранительных очках, чтобы летящий ноздак не мог попасть в глаза. На этих станках обтачивают мелкие отливки. Рядом шумит пескострюльный аппарат и осыпает песочным дождем литье, очищая его от земли.

Из обрубного идем в литейный. Под крышей его по всему корпусу — стеклянный фонарь. Внизу, точно муравьи, копошатся в земле люди. Тут же, стоя на коленях, фабзайчата изучают производство. По середине мастерской ходят вагонетки с землей, литниками для вагранки и другими материалами.

Подходим к сушилкам. Раскрываются железные ворота и выдвигаются по проведенной линии тележки с нагруженными пуками, уже высохшими и готовыми для заливки.

Медно-литейный цех. Формировщики набивают опоки землею, плавильщики пускают свои печи «Мечта».

Гудят моторы. Из жерла печей выбрасывается разноцветное пламя. В этом огне плавится за 6 часов до 100 пудов меди.

На обратном пути заходим в чугуно-литейный цех. Неистово гудит вагранка: дает знать, что скоро чугун будет готов для заливки. Литейщики все на готове. Раздается первый звонок—сигнал для подачи большого ковша под вагранку.

Большой кран зарычал и с шумом покатил по направлению к ковшу; подхватил ковш и понес его к вагранке. Второй звонок — сигнал, дающий знать, что чугун готов. Открывается отверстие вагранки; расплавленный, красный чугун бежит по желобу, временами бросая в разные стороны свои брызги, обдавая близстоящих рабочих.

Ковш в 500 пудов наполнен. Подцепляется лебедкой. Трещит лебедка под тяжелой ношей. Кран тронулся с места и, шумя, плавно покатился к ожидавшим литейщикам.

Начинается беготня. Литейщики с подручными подбегают с ручными ковшами, наполняют их и бегут обратно к своим заливкам.

Спустя 20 минут беготня начинает стихать; заливка подходит к концу. А краны, то один, то другой, — летают над головами.

Наконец останавливаются, где жалобно поет лебедка.

Трудовой день кончен.

Литейщики, кончив заливку, идут в баню. И после расходятся по домам.

Снова гудит гудок, — мастерская замирает. Отдыхают краны, ожидая следующего дня.

Вас. Князев.

Гублит № 686 Редактор: Редакционная коллегия